

предания: Король с ключами от плотины на шее — Граф с гремящим ржавым ключом от Башни Неутешной Вдовы (название башни как бы предвозвещает возможное будущее героини); Дагю, открывающая для любовника украденным ключом дверь, оказавшуюся дверью колодца, из которого хлынула вода, — Изора, отодвигающая для Рыцаря своей мечты крышку потайного хода, через который хлынул лунный свет; любовник Дагю — и Алискан, возлюбленный Изоры; св. Гвеноллэ — Бертран. А Газтан и его песня-предание становятся как бы посредниками между прошлым и будущим. В этом — тайна Поэта. Недаром его имя — Рыцарь-Грядущее. Песня о давно минувшем становится предсказанием о будущем.

Введение этого предания с необходимостью вызывает к жизни новую фигуру — Рыбака. С реалистической точки зрения, Рыбак появляется потому, что сцена разворачивается на берегу моря. Он нужен также как носитель народного сознания и отложившегося в нем предания. Однако у этого персонажа есть свой особый символический план: он влечет за собой «рыбную» символику архаических времен и христианства.

В мифологических представлениях первобытных народов рыба ассоциировалась с производительной силой, о чем свидетельствуют сохранившиеся каменные изображения рыбы в виде фаллоса. Рыба, заглатывающая детородный член осклопленного бога (например, Осириса в египетской мифологии) или всего человека (например, библейского Иону), выступает как эквивалент нижнего мира, царства мертвых, которое нужно пройти, чтобы возродиться к новой жизни: как правило, в таких мифах рыба вытесняет неведомым то, что было ранее проглочено. В христианскую эпоху рыбная метафорика приобретает особое значение. С рыбой связан образ Христа, в ранней христианской литературе его называют Рыбой, а христиан — рыбаками, ловцами человек. Иносказательная окраска сцен ужения и ловли рыбы сетями характерна для средневековья. Такой контекст образа Рыбака создает вокруг него особый символический ореол, характерный для этого персонажа, часто встречающегося в средневековых текстах (см., например, роман В. фон Эшенбаха «Парцифаль»). Рыбак в драме «Роза и Крест» воспринимается именно в русле этой мифологической и литературной традиции.

В свете названной символики проясняются зловещие пророчества Рыбака в стиле шекспировских шутов (в драме «Король на площади» и выделившемся из нее «Диалоге о любви, поэзии и государственной службе» Шут — рыбак, «ловец человек»):

«Кто кусает рыбу, тот будет укушен рыбой. Кто пожирает, тот будет пожран.

Кто пьет воду с вином, будет пить воду, как рыба; кто не знает — узнает» [4, ЧА₂, л. 110].

В общем мифологическом срезе драмы по вертикали обнаруживается стройно выдержанная трехчленная схема вселенной: нижняя космическая зона (воды) символизирована рыбами и морскими животными (крабы, дельфин); верхняя (небо) — птицами (ворона, петух, соловей); а средняя — крупными животными земли (лев и конь — миражи, созданные нагромождением камней в месте, где затонул Кер-Ис, воплощающие бронзы былой жизни: лев — державный символ короля; конь — добрый символ земли — вечно уносит короля Градлона от постигающих его волн моря [4, ЧА₂, л. 111]). Блок, создавший в драме стройную и поразительно строго соответствующую древним мифологическим представлениям систему зооморфных символов [10, т. 2, с. 391], в своих пояснениях указывает на другие подразумеваемые аналогии: «доктор — добрая собака, второй рыцарь — усталая лошадь, рыбак — краб» [2, т. 4, с. 463].

6

Изора предлагает свое понимание таинственной формулы «Радость — Страданье» из заворожившей ее песни Странника: «Да... Радость, радость... любить...